

требованіи лишь то ея чистое ядро, которое, мы видѣли, есть—требованіе «присоединенія этическихъ началъ» къ человѣческой дѣятельности вообще. Но для гр. Толстого это требованіе недостаточно потому, что оно осложняется у него, какъ мы видѣли уже, еще личною потребностью «искупленія» своего прежняго «баловства», каковой потребности, понятно, можетъ удовлетворить лишь тяжелый, суровый, «въ потѣ лица», физическій трудъ, которому бы можно было такъ хорошо, такъ рѣзко противопоставить «легкость» прежняго своего художественнаго творчества... мы, вѣдь, всегда такъ склонны бываемъ умалять значеніе того, что намъ дается легко, той сферы дѣятельности, гдѣ намъ успѣхъ не стоилъ почти ничего, и, наоборотъ, удесятерять несправедливо значеніе того рода дѣятельности, гдѣ этотъ успѣхъ не такъ-то легко и просто дается; а гр. Толстому художественное творчество легко давалось, какъ онъ самъ признается въ этомъ. Но уже въ силу сказаннаго,—вѣдь и для настоящаго работника «умственного» —трудно-физическій трудъ гр. Толстого съ его «четырьмя упряжками» на дню, въ свою очередь, можетъ, пожалуй, показаться ни болѣе, ни менѣе, какъ тѣмъ же «баловствомъ», барскою затѣей, пріятнымъ режимомъ, а самъ проповѣдникъ представителемъ того же самого «параднаго» труда, какимъ онъ считаетъ трудъ «людей науки и искусствъ».

Такъ то легко и просто получаютъ свое объясненіе всѣ «крайности» въ ученіи гр. Толстого, сведенныя на ту почву, съ которой мы рѣшили ихъ разсматривать....

Повторяемъ, ученіе гр. Толстого имѣетъ свою примѣнимую положительную сторону, но ее приходится самому выжимать изъ всей литературной дѣятельности его, сводя собственно «ученіе» его къ меньшимъ пропорціямъ, такъ какъ въ немъ рѣшительно игнорируется «средній» человѣкъ, его